

ИНЫЕ БУДУТ

Ирина КОСМИНСКАЯ

Сукна не было. Потому что не было длинного стола жури с флажками и папками. Несколько деловых улыбочивых американцев — члены оргкомитета и жури будущего X Конкурса Вана Клиберна в Форт-Уэрте — рассеялись среди желтых бархатных кресел и по одному слушали кандидатов на конкурс. Аплодировали, как остальная публика, и подносили к глазам бинокль. Но напрасно было делать выводы, увидев мгновенно возникающую симпатию. Ведь прослушивание в Москве не первое и не последнее. Всего их шесть, три заключительных в Америке, а до Москвы был Милан (консерватория Дж.Верди) и Утрехт. В общем списке 154 участника, на конкурс возьмут 35, а кого — известно будет только в конце февраля.

Поэтому прослушивание в Рахманиновском зале не было отмечено обычной для конкурсов нервозностью. Нет результата — нет ажиотажа. И тем не менее на вечерних "концертах" царил все-таки особенный подъем, более всего — на последнем, когда публика не уходила покурить, побродить по опустевшим в каникулы консерваторским коридорам, как днем, между двумя соседними программами.

Кстати, программы произвольные, рассчитаны примерно на 40 минут (у кого-то меньше). Много виртуозной музыки, миниатюр и классических сонат нет.

Тринадцать наших претендентов (из России, Украины, Беларуси, Узбекистана, Александр Доссин представлял Бразилию, а Ибукури Шина — Японию) играли каждый маленький концерт, построенный прежде всего на контрастах стилей, потому что техника стремилась показать каждый. То есть — трудная полифония, трудная романтическая крупная форма или современная соната, или то и другое, все очень трудное, а лучше сказать — лихое. Звучит это пока без

Культура. — 1997. — 8 февр. — с. 13. Без зеленого сукна

Конкурс пианистов имени Вана Клиберна, основанный г-ном И.Элисоном, специалистом в области музыкального образования, проходит в Форт-Уэсте раз в четыре года. Первое состязание состоялось в 1962-м. Одно из непреходящих условий конкурса — участники должны исполнить камерную музыку в ансамбле. Другое — сыграть "обязательную" пьесу американского композитора. Финальные выступления проходят с Симфоническим оркестром Форт-Уэста. Первая премия составляет 20000 долларов и обеспечивает ее обладателю очень престижные гастроли. В 1981 году был введен предварительный отбор участников — специальное жури оценивало их мастерство по видеозаписям. В этом году такой отбор решено провести "в живую" — в нескольких европейских и американских городах, в том числе и в Москве.

нужного блеска и шика, который дает только опыт больших сцен; еще немного по-студенчески, когда не надо стесняться перед знакомой кафедрой и можно наврать в октавах, проскочить двойные ноты, зато уж то, что выучено, отмотать так победно, с таким удовольствием, что мелодика и мысль автора сдвинутся куда-то на второй план. И другая сторона ученичества: свежесть, полнота музыки, вдруг читаемой вновь. Вдруг — новая, "твоя" баллада Шопена. Ты не Нейгауз, не Рихтер, не Оборин и не твой любимый консерваторский педагог, который тоже играет в концертах эту балладу или полонез. Ты — это ты, и у тебя, как кажется, все впереди. Ты пока не большой артист, а "большие надежды". Весна, пианистическая весна!

И там, где туфелькой скользнула изумрудной, беречься ни к чему... Они, новые имена, нас трогают, очаровывают, увлекают даже своими недостатками. Хотя через пять лет покажет кто-то такую балладу Шопена — мы не примем; будем требовать "души"; повтори, повзрослев, упомянутого Листа — ни нотки не простим!

Конкурсы существуют вроде бы ради будущего, но на них царствует настоящее, сиюминутное. Хладнокровие здесь помогает больше, чем тонкость натуры. Как в спорте, здесь очень ценятся морально-волевые качества. Зато уж если случится настоящий, врожденный артистизм — в паре солистов он расцветает. Здесь мне не удалось его увидеть, но рада буду ошибиться и в этом, и еще вот в чем.

На конкурсах очень наглядно (надо быть завзятым меломаном, чтобы углеть это в концертных абонементах) предстает картина исполнительских традиций. Видны оборванные ниточки старых и узелки новых. Например, здесь бросалось в глаза, что изысканно романтический, нервный Шопен исчез, уступив место некоему барду ушедшего века — в полонезе-фантазии As-dur op. 61, в Четвертой балладе, f-moll-ной фантазии op. 49. Теперь это сказитель с открытым сердцем, до половины вросший в фольклор. Кто бы мог подумать! И не только у крепких юношей, у девушек такое же звучание. Вообще, в програм-

мах нет жеманства, чувственности, тонкости и пламенной романтики. Порывы есть, но они не бурные, а моторные. Здравомыслящий Прокофьев "ложится" на этот новый строй чувств замечательно (соната B-dur № 7, Виталий Самошко), а Шумана и даже старых французских — Куперена, Рамо можно и "подтянуть" до Прокофьева, и не старых тоже — Дебюсси и Равеля (Ольга Пушеникова, Токката Шумана C-dur op. 4; прелюдия "Фейерверк" Дебюсси и пьесы Куперена, особенно "Вязальщицы" и "Маленькие ветряные мельницы" в исполнении Светланы Пономаревой; Гавот и вариации a-moll Рамо, Анна Друян).

"Все они — виртуозы, и так мы будем их играть" — вот, похоже, девиз плеяды конкурсантов-97, и я не удивлюсь, если в сознании кого-то из молодых артистов Танеев соседствует с Листом на том основании, что сочинил труднейшую прелюдию и фугу gis-moll.

Мы слышали скучного Рахманинова. Почему? Раньше его так любили студенты. Неинтересные прелюдии — интересные фуги. Тяга к рациональности, порог XXI века? А вообще, они не такие разные, как кажется с первого взгляда. Понимайте это и с сожалением (нет резко различающихся индивидуальных манер), и с удовольствием (выучкой могут похвалиться все, они — равня).

Мы лишены возможности услышать длинную цепочку иноземных претендентов (среди которых по спискам много русских имен, но это совсем другая тема). Кто поедет в Техас в конце весны, чтобы блеснуть под портретом знаменитого пианиста? Хотелось бы, чтоб кто-то из тех, кто играл сейчас в Рахманиновском зале. Может быть, их там откроют так же, как мы открыли Клиберна 40 лет назад.